

Оппозиция частное/публичное и судьба политики

Я не являюсь опытным специалистом в области политической философии: к положениям, которые я буду высказывать сегодня, я пришел, отправляясь от изысканий в других областях — философии религии и антропологии. Тем не менее, я беру на себя смелость выступить и привлечь (с помощью этого доклада) ваше внимание к противоречиям, с которыми сталкивается мышление, пытаюсь описать условия возможности политической жизни *сегодня*. Я считаю, что вправе это делать, если не как собственно теоретик, то как склонный к теоретизированию гражданин, который спрашивает совета у специалистов в затруднительной ситуации.

Одним из поводов, благодаря которым мы здесь собрались, служит некая программа, в название которой вошли слова «*политический лидер*». Я по отношению к этой программе — практически человек с улицы, и вот в этом качестве я с большим интересом спрашиваю: лидер в области *чего!*?. Иначе говоря: верно ли я понял, что у моих коллег не вызывает сомнения существование *политики*?

Мои собственные сомнения по этому поводу удобно было бы представить первоначально в виде пары тезисов, откровенно противоречащих друг другу: далее я постараюсь как-то свести их воедино и прокомментировать результат.

Тезис первый. Уже нет никакой жизни, кроме политической, и потому политическая жизнь, как некая сверхсложная среда, больше не поддается представлению и центрированию.

Тезис второй. Политическая жизнь находится в глубочайшем упадке, не обладая практически никакой самостоятельностью. Непонятно, как кто бы то ни было может рационально действовать в сфере «общего дела», если этого самого дела нет.

Теперь я буду, как обещал, сводить вместе эти тезисы — так, чтобы у них обнаружились единые истоки. Я сразу обращаю внимание на то, что в том и другом случае речь идет

о соотношении дополитического и политического «полей» как полей соответственно частной и общей жизни. Это соответствует классическому определению политики как сферы общего дела, *Res publica*.

Одна из основных тенденций социальной жизни, по крайней мере, со времен классического капитализма и до эпохи «государства благосостояния», являлось разрушение замкнутого *ойкоса* и распространение на частную жизнь таких способов регуляции, которые характерны для публичной жизни. Более того, эта тенденция не оборвалась и в последние десятилетия, хотя и изменилась — о чем я и буду говорить ниже. В общем виде можно сказать так: имело место внедрение культуры договорных отношений в сферы *ойкоса* и *ойко-номики*. Итак, всеобщее избирательное право, тред-юнионы, законы о правах труда, феминизм, «доктрина человеческих отношений», PR, небывалое развитие коммуникаций и множество других факторов постепенно создали *сплошную публичную сферу*, захватившую производство и семью.

И вот, *если* связывать (как это было принято в классической теории) понятие политики с публичной жизнью, упорядоченной в духе равнозакония (изономии) и охраняемой в этом качестве публичной властью, то придется сказать, что налицо какая-то тотальная экспансия политического начала.

При таком потоке и само понятие политического теряет свою определенность. Оно утрачивает свою специфическую связь с понятием *политической власти*, а тем самым — и власти вообще. Взамен оно обретает связь с определенным типом процедур, посредством которых устанавливаются отношения между людьми. Любые отношения должны иметь вид демократических, делиберативных и рациональных, иначе их не будет вообще. Это действительно соответствует сфере политического разума в смысле Ханны Арендт и Хабермаса, сфере демократического, делиберативного, рационального жизнеустройства, где дополитические (естественные) различия между людьми символически преодолены в равенстве перед законом.

Но такой разрыв с властью не означает, однако, просто *расширения* политической сферы. Одновременно происходит

что-то, в корне меняющее ситуацию. Для понимания того, о чем идет речь, я позволю себе напомнить очень банальные вещи. Политическая власть есть, по определению, такое мероприятие, которое обеспечивает поддержку упомянутого равнозакония, или изономии. Это и есть то «общее дело», которым заняты члены политического сообщества. Слово «политика» по происхождению связано с «полисом». Более определено — с противопоставлением «ойкос-полис». Это то же противопоставление, которое по-латыни определяет смысл понятия *Res Publica*. В терминологии Аристотеля и аристотелизма бессмысленно говорить о политике, во-первых, там, где нет среды свободных и равных, во-вторых, там, где для свободных и равных не существует общего дела.

Так, с этой точки зрения, нельзя было считать политическим сообществом, например, Египет. Фараон — никакой не политический лидер, а просто очень крупный домохозяин, окруженный миллионами рабов. И это связано вовсе не с тем, что его власть прирождена и гарантирована наследнику престола: политическое сообщество не исключает монархического устройства. Но это связано исключительно с тем, что он как единственный собственник египетской земли почти бесконечно отличается от любого своего подданного, подобно тому, как взрослый мужчина отличается от младенца. Это просто *дополитическая* власть.

Но есть другая возможность, для древних, вероятно, просто непонятная, которую им пришлось бы оценивать по аналогии с миром северных варваров, вроде скифов, и эта возможность, кажется, годится для описания нынешнего мира: свободные и равные есть, но нет *res publica* в специфическом смысле, соединяющем «общность» и «власть». Действительно, если человеческие отношения устоялись благодаря политической форме, то государству, чтобы оправдать свое существование, достаточно быть корпорацией, берущейся обеспечить на определенной территории условия, способствующие сохранению этой цивилизованной формы отношений. Естественно, это делается за деньги, но дело не в этом, а в том, что вообще нет принципиальной разницы между этой корпорацией — и другой, обеспечивающей подачу, скажем, электроэнергии.

С современным государством продвинутый менеджер — а это восходящий социальный тип, вроде типа буржуа в позапрошлом столетии — просто сотрудничает, как с *любыми другими* корпорациями. Его интересы носят не местный, а глобальный характер: собственно говоря, он сотрудничает одновременно с несколькими государствами, как с некими *частными предприятиями*. Использование им полномочий избирателя в одном из них сводится к простой формальности. Что касается нисходящего социального типа, «андеркласса», то ему не с кем и не о чем договариваться. У него, в сущности, ничего нет, кроме частной жизни, которую, кстати, нет никакого смысла перестраивать в духе публичных норм — нет смысла ни для самих отверженных, ни для кого-либо еще. «Андеркласс» практически выключается из каких бы то ни было процедур, связанных с формированием власти: власть для него — это сугубо внешняя сила.

Таким образом, ни о новой элите, ни об отверженных нельзя сказать, чтобы их горячо интересовала изомомия. «Политическая жизнь» в старом смысле слова — процедуры, связанные с формированием территориальной власти, — оказывается делом промежуточных слоев населения. Казалось бы, так и должно быть.

Однако эти слои весьма сильно отличаются от «среднего состояния» в старом аристотелевском смысле — настолько сильно, что взятая в таком объеме «политика» выглядит как пародия на политику. От государства, после того как пали все проекты идеального общественного устройства, все «большие дискурсы», вроде бы можно требовать только того, чтобы оно обеспечило условия для того, чтобы *каждый из нас* мог продвигаться к своему частному успеху. Следовательно, участие каждого из нас в «общем деле» лимитировано изнутри: мы участвуем — или думаем, что участвуем — в формировании всякой территориальной власти с тайной надеждой получить возможность (в случае успеха) *выходить из под контроля* этой самой власти.

Это какая-то странная неискренняя игра. Я полагаю, что это относится не только к России и иным неблагополучным странам. Это просто объективные последствия глобализации

в действии. Не обстоит ли дело так, что уже *никто* в современном мире не в состоянии заниматься политикой в рамках существующих институтов на таком уровне, не обманывая себя относительно сути своей деятельности? Не обстоит ли дело так, что мы остаемся исключительно с quasi политикой и quasi лидерами? Не обстоит ли дело так, что, кроме антиглобалистов, не остается людей, занятых Res Publica?